

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-31 Михалева-Сайа.09

DOI 10.25587/litteraevfu.2023.80.57.001

Художественная проза Н. Михалевой - Сайа

А. А. Бурцев ✉, М. А. Бурцева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Н. Михалева известна среди читателей, прежде всего, как поэтесса. В поле зрения критиков тоже находится главным образом ее поэзия. Между тем в творчестве Сайа представлен целый ряд прозаических произведений. В настоящей статье рассматривается жанровая специфика малой прозы писательницы, которая включает психологические и нравоописательные рассказы, а также очень своеобразные новеллы-рефлексии. Что касается повестей, то интерес представляют не только их жанрово-композиционные особенности, но и специфические приемы и принципы персонификации в «Голубом подснежнике» и «Уйгуре». Таким образом, исходя из ценностных критериев при анализе прозаических произведений Н. Михалевой, авторы приходят к выводу, что художественная проза Сайа по своему уровню по крайней мере не уступает ее поэзии и относится к лирическому направлению в современной якутской литературе.

Ключевые слова: нравственно-психологический рассказ, новелла-рефлексия, лирическая повесть, «рождественская» история, мотив «одушевленной вещи», лирическое отступление, принцип «китайского шара или русской матрешки», анималистика, «птичья образность».

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Художественная проза Н. Михалевой – Сайа. Вопросы национальных литератур. 2023, №1 (09). С. 5–14. DOI: 10.25587/litteraevfu.2023.80.57.001.

Artistic prose by N. Mikhaleva - Saya

A. A. Burtsev ✉, M. A. Burtseva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. N. Mikhaleva is known among readers primarily as a poetess. In the field of critics view is mainly her poetry as well. Meanwhile, the work of Saya presents a number of prose works. This article discusses the genre specificity of her short prose, which includes psychological and moralistic stories, as well as original short stories-reflections. As for the stories, not only their genre and compositional features are of interest, but also the specific techniques and principles of personification in “The Blue Snowdrop” and “Uigur”. Thus, proceeding from the value criteria in the analysis of N. Mikhaleva's prose works, the author comes to the conclusion that Saya's artistic prose is at least as good as her poetry in terms of its level.

Keywords: moral and psychological story, short story-reflection, lyrical story, “Christmas” story, motive of “an animated thing”, lyrical digression, principle of “Chinese ball or Russian matryoshka”, animalism, “bird figurativeness”.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. Artistic prose by N. Mikhaleva – Saya. Issues of national literature. 2023. No. 1(09). Pp. 5–14. DOI: 10.25587/litteraevfu.2023.80.57.001.

В читательских кругах Сайа больше известна как поэтесса. Не случайно ее благословили народные поэты Якутии И. Гоголев, М. Ефимов и Р. Багатайский. Об этом же свидетельствуют суждения критиков [6]. Но подобно своим старшим собратьям по перу (одно из ее стихотворений называлось «Улахан Убайдарым»), Наталья Михалева стала прозаиком. Причем ее прозаические произведения по своему художественному уровню по крайней мере не уступают поэзии.

Обычное определение прозаических произведений Сайа как повестей или рассказов является весьма неопределенным и расплывчатым, т. к. не раскрывает их многогранного жанрового облика. Проза писательницы вбирает в себя такие разновидности, как лирико-психологическая повесть и повесть нравоописательная (этологическая), нравственно-психологический рассказ и рассказ философский. Кроме того, в творчестве Сайа представлены новеллы-рефлексии и разнообразные жанровые модификации юмористики.

Например, замечательная жанровая многогранность отличает рассказ «Слезы Хаарчааны» («Хаарчаана харабын уута»). В нем использован традиционный канон «рождественской» истории, известный в мировой литературе по произведениям Ч. Диккенса, Г. Х. Андерсена, М. Метерлинка, в русской литературе – по творчеству Н. Гоголя, Н. Лескова, А. Чехова, А. Куприна. В якутской литературе известен рассказ Суорун Омоллона «Рождественский вечер». Но при всей видимой простоте рассказ Сайа таит в себе эффект белого цвета, при разложении дающего целый спектр различных оттенков. В «Слезах Хаарчааны» традиция нравоописательного рассказа сочетается с ироническим повествованием о «трудах и днях» незадачливых абитуриентов, натуралистическое описание быта «новых якутов» с очерковыми зарисовками теневых черт «массовой культуры», элементы лирико-психологической исповеди с «эффектом переосмысления», восходящим к жанру новеллы. Соответственно строится характерология рассказа, включающая несколько образных антитез: бросивший на произвол судьбы Дарину – Хаарчаану фальшивый Дед Мороз – Серж и благородный Бэтмен – Георгий, неожиданно для себя оказавшийся в обществе двух приятных «дам», бедная сирота Айсена и похожая на Козетту из романа В. Гюго «Отверженные» большеглазая кукла, или, наконец, «сладкая парочка» – беззастенчивая женщина Лариса и ее деловой партнер, – собирающаяся закабалить Дарину – Хаарчану [4, с. 155– 221].

Рассказ «Проклятое кольцо» («Кырыыстаах биһилэх») построен на мотиве «одушевленной вещи», тоже известном по произведениям Э. По, О. Бальзака, О. Уайльда, Н. Гоголя и других писателей. Молодая успешная дама, сотрудница крупного государственного учреждения, этакая *selfmade woman*, державшая под подушкой книгу Д. Карнеги, опрометчиво купила за бесценку у случайного прохожего золотое кольцо. Оно оказалось магическим, приносящим одни беды, и с этого момента у Дианы началась полоса неудач. Этот полумистический сюжет позволяет автору в ироническом контексте раскрыть разные стороны общественных порядков и человеческих нравов, начиная с бюрократии и снобизма, кончая взаимоотношением поколений и воспитанием детей.

Среди прозаических произведений Сайа особняком стоит мистическая история «Светлая тень» («Сырдык күлүк»), основанная на фольклорных источниках. Вслед за Н. Заболоцким («Марфа»), подобно Н. Лугинову, автору «Хуннских повестей» или В. Федорову, автору рассказа «Лунная соната», писательница пытается заглянуть в иной, тонкий, параллельно существующий мир. Не случайно ее герой предается рефлексии и даже позволяет себе пожалеть «бедных двуногих», которые не подозревают, что «рядом с ними существует какая-то другая жизнь, невидимое им иное пространство»: «Икки атахтаах эрйдээхтэр субу тастарыгар, ыксаларыгар, кинилэр быыстарыгар туох эрэ атын олох, кинилэр харахтарыгар көстүбэт эгэлгэ эйгэ баарын билбэккэ үйэлэргэ олоруохтуу туохха эрэ дьулуһаллар, охсуһаллар, ситиһэллэр, ситтэрэллэр. Ол олобу туораттан туран одуулааччы мин буолуом дуо?» [2, с. 41].

В рассказе «Выигрыш» («Сүүйүү») Сайа продемонстрировала мастерство психологического анализа. Речь идет о двух друзьях: один из них (Бааска – Василий Петров) преуспел в жизни, у него свое хозяйство, дом – полная чаша; другой (Миичик – Михаил Семенович), добрый, с покладистым характером, оказался неудачником, его главное богатство – многочисленные дети. В детстве с ними произошел случай, который едва не обернулся трагедией: играя во время половодья на берегу реки, Бааска упал в воду. Миичик успел протянуть ему длинную палку и изо всех сил пытался вытянуть друга, которого уносило течение. Несмотря на сильное напряжение и боль от содранной кожи на ладонях, он продолжал удерживать палку до тех пор, пока взрослые не услышали его плач и прибежали на помощь.

Во время праздника ысыах в улусном центре организовали лотерею с главным выигрышем – автомобилем «Жигули». Бааска приобрел десять билетов, их вытянула его маленькая дочь Элизничик («Елена Прекрасная»). Миичик загодя прибыл на ысыах из наезда, как обычно остановился у друга детства и загулял на несколько дней. Он тоже купил на последние деньги пять лотерейных билетов, положил в карман куртки, которую одолжил у Бааски, и забыл о них. Во время розыгрыша лотереи хозяин куртки обнаружил в кармане лишние билеты, но успел перемешать их со своими. На один из них выпал выигрыш автомобиля, и в радостной суматохе Бааска не стал выяснять, чей билет оказался счастливым. Но после этого его целый год терзала мысль, что он присвоил чужую машину. Тем временем тяжелобольную жену Миичика Марианну, которая некогда считалась первой красавицей в деревне, и Бааска даже засматривался на нее, направили на операцию, и ей понадобились деньги. Миичик долго не решался обратиться к другу детства, а тот, с трудом заставив его рассказать о проблеме, испытал облегчение, срочно продал машину и передал деньги Марианне.

В русском переводе рассказа, выполненного Е. Каминским, изменены не только имена героев (Бааска стал Тусхааном, Миичик – Бэргэном, Марианна – Сиибиктой), но и его финал: вместо фигуры умолчания Тусхаану «почудилось, что время вернулось вспять, и это он уже тащит из бурлящей реки утопающего Бэргэна... но тот такой тяжелый, что он, Тусхаан, уже не может его держать, не может за него бороться, не может больше терпеть это напряжение... И он вдруг разжал ладони, выпуская рулевое колесо и в изнеможении закрывая глаза... А всего в нескольких километрах от страшной аварии по дороге шагал Бэргэн и чувствовал себя вполне счастливым человеком. Ему вспомнился шепот молоденькой Сиибиктэ, прильнувшей к его груди в дембельской шинели, те ее искренние слова: «Бэргэн, мне так радостно, что ты есть...» [1, с. 154].

В книги «Сегодня ночью» («Бүгүн түүн», 2000), «Безымянный цветок» («Аата суох сибэкки», 2009) включены «акварельные»¹ новеллы-воспоминания Сайа о детских впечатлениях («Подснежник», «Белый снег», «Милые дети» и другие). В одной из них она поведала о том, как ее, только что появившуюся на свет божий, отец вместе с матерью перевез на санках через Виллой прямо перед ледоходом. Уже потом мать рассказала ей, как им было страшно и почему-то стыдно, потому что на противоположном берегу собралась целая толпа односельчан, переживавших за них. Кто-то из очевидцев той смертельно опасной переправы впоследствии, когда она стала известным тележурналистом, сказал, что «это были твои первые зрители». И Сайа призналась: «Я до сих пор верю, что биение их сердец и тепло их глаз продолжает охранять мою утлую лодку, плывущую по великой реке срединного мира» («... миигин ис сүрэхтэриттэн сабыллан тахсар харахтарын уотунан эбүрдэлиир түгэннэрэ орто дойду олобун уорааннаах улуу өрүһүн этэннэ туоруурбар күүс-көмө, тирэх-сэниэ буолуобар эрэллээхпин» («День рождения») [4, с. 80].

В новелле «Весенняя пора» рассказывается о том, как в «весеннюю пору» жизни маленькая Сайа любила погружаться в прекрасный мир книг, таких, как «Птички

¹ Эпитет «акварельные» в свое время использовала профессор Арфо Ароновна Петросян применительно к новеллам классика якутской литературы Н. Д. Неустроева.

встречают солнце» («Чычыахтар күнү көрсөллөр») П. Тобурокова. Особенно долго она находилась под обаянием «Весенней поры» («Сааскы кэм») Н. Мординова, воображая, что находится в юрте Ляляриных, слушает волшебные сказки старой Дарьи, горюет вместе с Никиткой, когда сгорела его новая рубашка, плачет, когда погиб Дмитрий Эрдэлир.

В новелле «Овраг» автор вспомнила свое разочарование, когда с содроганием спустившись вместе с детьми на дно страшного оврага, ничего таинственного там не обнаружила. Тем не менее, вспоминая детство, ее не покидает ощущение, что за каждым поворотом ей может открыться что-то прекрасное. В этих новеллах-рефлексиях возникает образ лучезарного детства, как и в одном из ранних стихотворений:

Ытыспынан толору
Дьолу сомсон турарым,
Бу кэлиэхтээх туох эрэ
Дьикти кэмин күүтэrim...
Олох кэрэ диэн этэ,
Олох дьикти диэн этэ!

Н. Михалева - Сайа внесла заметный вклад и в жанр повести. Пока в ее активе две повести: «Голубой подснежник» («Күөх ньургунун», 2004) и «Уйгур» (2021). Первая из них по жанровой форме относится к разряду лирических произведений, т. к. она проникнута эмоционально насыщенным авторским чувством, и ее основной пафос связан с переживаниями главной героини, на долю которой выпадают разнообразные жизненные испытания. Повесть имеет центростремительную композицию, т. е. в ней раскрывается не вся биография героини, последовательно, эпизод за эпизодом, а внимание фиксируется на самых этапных, поворотных событиях ее жизни.

В годы учебы в университете Оленька (так все ее звали) жила ожиданием несказанно прекрасного мира, который должен был открыться перед ней. Этот созданный ее воображением чудесный мираж начал рушиться, когда она осенним дождливым днем с дипломом учителя французского языка в кармане ступила на грязный берег реки Добун у небольшого поселка Тополиный (Тирэхтээх). Сама «обстановка, окрашенный в серые тона пейзаж» («Үөһэ борон халлаан, кытылы кыйа күһүннү ардах нүһэр ыйааһынын уйбатахты ыахчайбыт инчэбэй борон дьылэр, бэл теплоходу көрсө киирэн турар аҕыйах дьон борон танаастаах, борон сирэйдээх-харахтаах курдуктара») настраивали на минорный лад [3, с. 5]. Разочарование постигло Ольгу Васильевну и в школе: дети не приняли молодую учительницу. Проведение уроков превратилось для нее в муку, и в сердцах она даже стала ненавидеть свой предмет.

В эту печальную пору в ее жизни появился Митя. Успевший отслужить в армии и получить специальность механизатора, он был видным парнем и составил достойную пару для Ольги. В тихой деревне ее жизнь была небогата событиями – замужество, рождение детей, сына и дочери, редкие праздники. Потом случилась трагедия: ранней весной, после ледохода, когда Митя переплывал реку Добун, его моторная лодка наткнулась на льдину и перевернулась. К трагической смерти мужа косвенно оказалась причастной Ольга, именно она попросила его съездить в улусный центр по каким-то делам. Свекровь, которая и раньше особо не жаловала невестку, прямо обвинила ее в гибели сына. Общественное мнение в деревне жалело не столько Ольгу, сколько старую Феклу, мать Мити. Поэтому через некоторое время, когда стало известно, что она с детьми собирается уехать, оставив свекровь одну, ей предложили освободившуюся должность библиотекаря. Ольга вынужденно согласилась, к тому же работа ей понравилась.

В клубе, где находилась библиотека, в роли художника подвизался молодой человек по имени Бэртол. Слово за слово, они познакомились, постепенно прониклись симпатией друг к другу. Тем временем Ольга договорилась со свекровью продать живность, дом

и по совету подруги, ставшей челночницей, решила все же переехать в улусный центр и заняться мелким бизнесом. Но опыт оказался неудачным, зато она с помощью знакомых устроилась на работу в улусную администрацию. Бэртол тоже попытался встать на ноги, но его подставили мнимые друзья, и в результате он угодил в тюрьму.

Ольга неплохо зарекомендовала себя на новой работе, а когда в улус прибыла делегация из Канады, с блеском выступила в роли переводчицы с французского языка, сумела понравиться не только главе улуса, но и самому министру. Она получила повышение на службе, переехала в новую квартиру, расплатилась за кредит. Бэртол же вышел на свободу совершенно другим человеком, не хотел работать, и в конце концов Ольга выгнала его.

Сама она после избрания нового главы улуса вернулась в школу, самостоятельно начала учить английский язык. Ее ученики стали участвовать в олимпиадах, занимать призовые места в конкурсах. Таким образом, Ольга, в отличие от Бэртола, сумела выйти «на дорогу» и занять достойное место в жизни.

В повести «Голубой подснежник» особое место занимают лирические отступления, которые, на первый взгляд, непосредственно не связаны с ходом событий в произведении. Но тем не менее некоторые из них способствуют более глубокому раскрытию героев. В частности, авторское отступление в начале повести о «размеренной деревенской жизни» («олох олус бытаанник, сыарбалаах обус сыннарар айаныны нэстик соһуллар») и сердце как «единственном приюте печали и скорби» («кутурбан куотар, санаарбабыл саһар соботох сирэ – сүрэх эрэ») раскрывает состояние Ольги после гибели мужа [3, с. 3]. Другое лирическое отступление о наступлении весны («саас... ким бабарар олобун уларыта сатыыр, көнүл чэбдик салгынын сүрэхтэргэ күөртүү сатыыр курдук») свидетельствует о пробуждении героини к новой жизни [3, с. 26].

Наконец, в еще одном отступлении Сайа непосредственно выражает свое отношение к коренным изменениям, которые произошли в стране в 90-е годы прошлого столетия. Автор двойко оценивает «развал великой страны» («улахан дойду урусхалланна»): «Ол эрэри олох үрүлүйэр үрдүн уонна амырыын аннын икки ардылара аттар-атан, көрдөрөн туран олус үтүбэ уонна олус ынырыкка арахсан барда» [3, с. 38-39]. С одной стороны, смутное время принесло «благо» («олус үтүөнү») для родного народа: «Саха аан дойдуну арыйда, көхсүтэ көннө, саната дорбооннонно, күннээх былаабын күөрэччи көтөхтө. Халлаамыт алмаас кустуктанна, сабахпыт көмүс дуйданна» [3, с. 38-39]. Но, с другой стороны, развал произошел в душах, «желтый дьявол» затмил умы: «Аны бастыннарбыт «көнүл» диэн-диэн баран күөнтэһэн турдулар, «сомоһолоһуу» диэн-диэн баран сууһарсар идэлэннилэр, «кэскил» диэн-диэн баран кэнэйдэһэр буоллулар, «саргы» диэн-диэн баран сааттарын умуннулар...» [3, с. 39]. Эти мысли автора расширяют проблематику повести и привносят в нее эпическое начало. Через сложную судьбу своей героини, ее тревоги и переживания, не прямо, буквально, а косвенно, опосредствованно Сайа раскрывает реальные проблемы и противоречия жизни.

Разложение нравственных устоев времени («дьадайда олох эрэ буолбатах, дьадайда майгы, сирэ, киһи киһиэхэ амарах санаата») [3]. Сайа демонстрирует на примере противопоставления нескольких пар персонажей: Марина – Ольга, Лена – Ольга, Федора Саввична – Ольга, Силлэ – Бэртол.

Общественные нравы в крайне иронической интерпретации воспроизведены в картине выборной кампании: «Түүннэри күннэри тэрилтэттэн тэрилтэбэ, нэһиликтэн нэһиликкэ, ыалтан ыалга хорохооттор субустулар, «көбүлүүр бөлөхтөр» көлөһүн тохто көтүөккэлэстилэр. Оҕо – аҕатыгар, добор – доборугар утары турда, аймах аймахтын алтыспат, ыал ыаллын сылдыспат алдыатылаах быһыы-майгы саха алаастарынан сатыылаата» [3, с. 101].

В повести «Голубой подснежник» проявилось мастерство Сайа и в создании художественных образов. В изображении главной героини автор использует как традиционные средства, так и новаторские принципы. Так, с самого начала состояние

Ольги передается посредством такой портретной детали, как глаза. В студенческие годы ее «сияющие черные глаза» («чобулуннас хара харахтара») [3, с. 4], казалось бы, никого не замечали и были устремлены куда-то вдаль, в несказанно прекрасный мир, созданный ее воображением. Потом, когда она работала в улусной администрации и удостоилась несколько фамильярной похвалы от главы района, «от неожиданности ее черные как уголь глаза сверкнули, подобно звезде на небе» («... соһуйан хара чоһ харахтара сулус курдук күлүм гына уоттанан кэлбиттэрэ») [3, с. 73]. Наконец, когда Бэртол начал обвинять Ольгу в неверности, она «продолжила сверлить его глазами, которые стали еще чернее и строже»: «Дьахтар эр киһини тобулу көрбүтүн кубулуппата. Арай харахтара өссө хараарбыкка, өссө кытаппыкка дылы буоллулар» [3, с. 97].

Портретистика, как художественный принцип, использована Сайа и при создании образов Бэртола, старой Феклы, директора клуба Лены, главы улуса Юрия Александровича, «нового якута» Николая Слепцова – Силлэ. При этом их портреты носят не нейтральный характер, а свидетельствуют об определенной авторской позиции. Если изображение внешнего облика старушки Феклы, Юрия Павлова, да и Бэртола выдает приятное отношение к ним со стороны автора, то описание портрета и манеры Силлэ носит откровенно иронический характер.

Что касается фигуры главной героини, то в создании ее образа существенную функцию выполняют фитоморфы – феномены растительного мира, имеющие устойчивое символическое значение. В начале повести, когда в жизни Ольги наступила темная полоса, ее сопровождает образ «березы, задавленной снегом» («хаарга баттаппыт хатын мас», накренившейся («иэбэйбит хатын»), искривленной («өбүллэ үүммүт хатын мас») [3, с. 3, 4, 7]. В дальнейшем, когда ее жизнь начала налаживаться, все чаще образ Ольги стал ассоциироваться со спелой земляникой («... сир бары сүмэтин, күн бары угутун ингэриммиккэ дылы этиэхтэн минньигэс буола буһан торолуйбут дьэдьэни санатар курдук») [3, с. 70] и голубым подснежником («күөх ньургүһүн») [3, с. 84, 125], имеющим поэтический статус вестника весны и пробуждения природы. В этом плане само название повести приобретает особый смысл стойкости, силы духа, любви к жизни якутской женщины.

В художественный арсенал автора повести входят также такие приемы и средства образности, как художественная деталь, образная анималистика, мифологические и литературные реминисценции, внутренний монолог.

Особенностью творческого метода Сайа является опора на реальные, достоверные события и факты. Не случайно ее малая проза основана на собственных детских впечатлениях. Реальную основу имеет рассказ «Оладья», снабженный подзаголовком «жизненная история» («олоххо буолбуттан кэпсээн»). С потрясающим трагическим пафосом воспроизведена атмосфера в тылу во время войны на примере гибели одной якутской семьи. Отец семейства находился на фронте, больная мать с семилетним сыном жестоко страдали от голода и холода. Когда закончилась мука, из которой варили жиденькую кашу, несколько дней продержались на пустом бульоне из старых костей. Потом пытались жевать кусочки горелой кожи, содранной с двери. Последняя надежда была на живших за озером соседей, у которых отелилась корова. Мальчик Петруша по глубокому снегу побрел к ним. У соседей было полно народа, бабушка напекла оладий с молозивом: взрослым полагалось по две оладьи, детям – по одной. Петруше тоже выделили одну оладью. Зажав ее в ладошке, он побежал домой, но от слабости и голода не смог преодолеть скользкий пригорок. В предсмертном бреду ему привиделось, как он бежит к матери с оладьей в руке. На другое утро его обнаружила девушка, разносившая почту. Она должна была вручить уже бездыханной матери похоронное письмо о гибели мужа. Рассказ сопровождается взволнованной авторской рефлексией: «Оо, сир ийэ барахсан! Эн оччугуй да оллургун кыайан туораабакка, икки атаһа бүдүрүйэр эбээт... Тоһо бу алаадылаах илиитин иннин диэки уунан үнүөхтүү сытар уолчаанна көппөх гынан

көмөлөспөккүн, аһыныгас санаанан аллан, көмүскэс санаанан түллэн күүһүгэр күүс, сэниэтигэр сэниэ эппэккин?...» [5, с. 132].

Повесть Сайа «Уйгур» тоже написана по следам реальных событий, связанных с войной («дьин олохтон сэхэн»). Она имеет более сложную жанрово-композиционную структуру, чем «Голубой подснежник». По жанровой форме это лиро-эпическое произведение, представляющее собой исповедь главного героя с обрамляющим авторским комментарием. С точки зрения композиции, это своеобразный рассказ в рассказе, в котором выдержан принцип китайского шара или русской матрешки. Как и в повести Бальзака «Гобсек», автор представляет Уйгура, тот рассказывает свою историю и попутно повествует о судьбах других героев.

Поэтика, на первый взгляд, нейтрального заглавия повести коррелируется с ее моноцентрической композицией, а именно с единичностью объекта изображения, сосредоточенностью повествования на фигуре одного героя. В то же время контекст произведения предельно широкий. В повести нашли отражение события первых лет Советской власти в Якутии, время репрессий и Великой Отечественной войны, период новейшей истории России. В результате пронзительная история о судьбе одного незаурядного героя, имеющего реального прототипа, вырастает до уровня судьбы поколения, даже целого народа в сложный период его истории.

Следствием развала СССР явилась переоценка многих, казалось бы, устоявшихся в сознании людей событий, понятий, роли отдельных личностей. Стали публиковаться ранее находившиеся в спецхране документы, открываться новые сведения и факты. Бывшие «белые» повстанцы, «буржуазные националисты» оказались настоящими патриотами, борцами за свободу народа.

В начале повести создан обобщенный портрет поколения, не «потерянного», как его называли в зарубежной литературе, а достойно выполнившего свой священный долг, нашедшего свое место в послевоенной жизни. В обрамляющей новелле автор поведала о том, как ее внимание с самого детства привлек человек по имени Уйгур Иван, так непохожий на «дезертира», хотя все называли его именно так. Молва утверждала, что дезертиром он стал из-за жены, которая потом вышла замуж за другого человека. В другой раз она услышала, что у них была хорошенькая дочь («... кэрэчээн бэйэлээх... үкчү тугут оѳотун курдук харааччы көрөр») [5, с. 10], рано умершая. Еще она краем уха слышала страшные истории о том, как во время войны умирающих от голода людей собирали в один амбар, как женщина, родившая близнецов, чтобы спасти хотя бы одного из них, вынуждена была вскармливать только его, а второй умирал от голода.

Впоследствии, будучи студенткой Хабаровского института культуры, собирая материал для курсовой работы о старинных якутских играх, Сайа обратилась к Уйгуру. Тот сначала отнекивался, но потом не только рассказал, но и наглядно показал некоторые из них. Уже став молодой писательницей, она специально приехала к нему, чтобы расспросить о его сложной судьбе. Уйгур согласился рассказать о своей «неординарной жизни» («дьиктилээх олох») с условием, что это не будет историей «плохого человека», и добавил: «На самом деле я не такой уж плохой человек...» («Дьинэ, мин оннук куһаҕан киһи буолбатахпын...») [5, с. 15]. Когда Сайа прямо спросила, из-за чего он стал «дезертиром», Уйгур лаконично ответил: «Таптаһан...» («Из-за любви...») [5, с. 15].

Его взволнованную исповедь о «неудавшейся жизни» («очурдаах олох») автор сравнила с «бурным потоком воды, прорвавшей плотину». Правда, Уйгур начал свой рассказ издали: со своей малой родины Мэлэкэ, родителей, школьных годах, первом робком чувстве к Иэе, с которой учились в одном классе, хотя она была младше его. С ранних лет он посещал народные праздники – ысыахи, слушал запевал осуоһа, постепенно начал участвовать в спортивных соревнованиях. После пятого класса прервал учебу и стал работать в колхозе. Иэя после окончания школы сначала работала

пионервожатой, потом ее избрали секретарем наследного Совета. Они были неразлучны, вскоре поженились и уже ждали ребенка, когда началась война.

Вскоре Иван получил повестку и с первым призывом должен был отправиться на фронт, но Иэя категорически заявила, что не отпустит его. Он пытался успокоить ее, говорил, что война скоро закончится, – все было тщетно. Ему удалось только договориться, что она проводит его до улусного центра. Там мобилизованные собрались в школьном спортзале, прошли медосмотр и стали готовиться к отправке. Иэя несколько раз пыталась поговорить с ним, но провожающих не пускали. Ей все же удалось передать записку, в которой велела ему во время ночной переправы через Вилую, пользуясь суматохой, скрыться в лесу, где она будет ждать его вместе с конем. Когда они встретились в лесу, Иван попытался внушить ей всю пагубность затеи. Тогда Иэя напомнила легенду о том, как Манчаары умыкнул Күөх Кэтириис, и пригрозила, что если он не уедет с ней, то она сейчас же при всех бросится в реку и утонет. Только тогда, отдавая себе отчет в том, что совершает ужасную ошибку, лишь бы успокоить любимую, он решился бежать: «Чэ, буоллун... кэннэ кэтинчэ да буоллун!.. Синэ биир... ханна да, хаһан да өлбүт синэ биир!» [5, с. 52].

Иван с Иэей некоторое время скитались в тайге, но потом их арестовали, она снова предложила ему бежать. Потом он сдался властям, был приговорен к каторжным работам на золотых приисках в Алдане. Когда срок осуждения заканчивался, до него дошли слухи, что Иэя вышла замуж. Это известие повергло Уйгура в отчаяние, жизнь потеряла для него всякий смысл. Но все же с помощью добрых людей он снова пришел в себя, даже обзавелся семьей. Тут его охватила непреодолимая тоска по родным пенатам. Случайная встреча с братом Митей только усилила его тягу к родине. Он купил подарки для родных, для Иэи – крепдешиновую ткань с желтым цветочным рисунком. Вернувшись в родные места, после некоторых колебаний Иван решил встретиться с Иэей. Для храбрости приняв на грудь, он отправился на ферму, где она работала. Увидев ее мужа, Уйгур заявил: «Я пришел за своей законной женой». Тот спокойно сказал: «Вот она стоит. Забирай». Ошеломленная Иэя закричала: «Ты ко мне не приходи!.. Я тоже долго терпела... Прочь с моих глаз!» [5, с. 89-90].

Как ни странно, Уйгур испытал какое-то облегчение, на мгновение ощутил, что у него развязаны руки, что он «сбросил наконец со своих плеч тяжелую суму с камнями» («Таастаах бэрэмдэй курдук тапталгын моонньубар ыйаан кэбиспиккин бүгүн ылан устан бырабыам ээ!») [5, с. 91]. Он снова попытался наладить жизнь, даже, как в молодые годы, принял участие в ысыахе, но чувство к Иэе не оставляло его. Состояние Уйгура усугубило запоздалое признание Огдуус, другой подруги детства, безответно любившей его. Она передала ему прощальное письмо Иэи, в котором она просила прощения, благодарила его и сообщала, что заболела неизлечимой болезнью.

Закончив свой рассказ, Уйгур попросил автора достать из чемодана небольшой сверток и передал ей со словами: «Эта вещь не дошла до адресата, поэтому предназначена тебе». Развернув дома сверток, Сайа обнаружила шелковую ткань с ярким рисунком в виде цветов пиона («...уоһах араҕас пион сибэкки ойуулаах крепдешин танас халыс гына түспүтэ») [5, с. 123].

Уйгур и Иэя, эти якутские Тристан и Изольда, были похоронены на противоположных берегах их родной реки Вилую: «Дьиннээх таптал улуу изиитин сүрэхтэригэр илдьэ ииннэммит икки киһи өрүс уңуор-манаар хараллан сыталлар. Кинилэр икки ардыларынан олох курдук тохтообокко, Бүлүү өрүһэ устар ...» [5, с. 123].

Как и в «Голубом подснежнике», в этой повести Сайа продемонстрировала замечательное мастерство как художника слова. Особенно это проявилось в искусстве создания образов. Главные герои снабжены не социальной, а личностной характеристикой: Уйгур предстает как искусный мастер, певец, спортсмен и охотник («Миигин айылҕа киһи аайы бэрсибэт дьобурдарынан үгүстүк хадаҕалаан: уус тарбахтаан, түргэн атахтаан, күөгү күөмэйдээн айбыт эбээт...») [5, с. 121]; Иэя выступает, прежде всего, как преданная,

любящая женщина. В их облике и поведении отчетливо проступают национальные черты. Уйгур с юных лет стал завсегдатаем народных праздников – ысыах, его кумирами были олонхосуты, запевалы осуохая, сказочники. Иэйя тоже хорошо знала народные традиции, обычаи, носила якутское традиционное одеяние, любила украшения в национальном стиле. Однажды она настояла, чтобы Иван произнес старинную якутскую клятву любви и верности.

В повести «Уйгур» автор снова использовала свой излюбленный характерологический прием – портретную деталь, а именно глаза персонажа. Имени главной героини «Иэйи» очень подходили ее «широко распахнутые, сияющие глаза» («сандаарыччы көрөн ылар киэн харахтаах») [5, с. 21]. Угрызения совести, терзавшие осужденного Уйгура, слегка смягчали лишь мысли об Иэйе, «во все глаза смотревшей на него» («Кэмсинии кэп-дьэбэр санаатын Иэйэ эрэ... мунунан көрбүт хараба сырдатан ааһарга дылыта») [5, с. 72]. Потом, при новой встрече на ысыахе, Уйгуру показалось, что «пара блестящих глаз чутко следили за ним...» («... икки сандаархай харах миигин сэргэхтик чуннуу, көрө-истэ кэтээтэ») [5, с. 111].

Сам Уйгур, когда рассказывал о своей бурной жизни, преображался, как будто молодел, и на его лице выделялись «пронизывающие, искрящиеся черные глаза» («уоттаах хара харахтаах»). Но при последней встрече с ним Сайа обратила внимание, что «искорки в его ясных черных глазах потухли» («оҕонньор эрилкэй хара харахтарын уота өспүт этэ») [5, с. 14].

Характерологическую функцию выполняет в повести образная анималистика. Состояние Иэйи, когда Иван получил повестку, выдавали не только «неподвижно застывшие, расширившиеся глаза» («таастыйа кэнээбит харахтарынан диэличи көрөн кэбистэ») [5, с. 38], но и ее сравнение с волчицей, защищающей своего детеныша («кини бу түгэннэ оҕотун көмүскээн адырба аһытыгар да киирэн биэрэрин кэрэйбэт ийэ кыыл курдук этэ») [5, с. 39].

Смятение Уйгура перед решающим выбором передается автором посредством уподобления с жеребцами, готовыми ринуться друг на друга («... харахпын уоттаабыт туругум, утарыта дьохсооттоһор атыыр сылгылар курдук») [5, с. 48]. Для изображения состояния героя Сайа использует и так называемую «птичью образность»: предвкушение Уйгуром долгожданной встречи с Иэией выражается посредством «полета белоснежного стерха» («ыра санаам кылбаарар кыталыгын өссө да күөх халлааммар көтүтэrim», а его состояние после разлада с ней – посредством «падения черного стерха» («кыһынны сарсыарда хаардаах толоонугар хара кыталык буолан сууллубутун илэ көрбүт курдук буолбутум») [5, с. 91].

В поэтике писательницы представлены также фитообразы: Иэйя ассоциируется то с «белоснежной березкой» («кылбаҕар хатынчаан») [5, с. 27], то с ярким, пышным цветком пиона («уоһах араҕас өгнөөх сарыада сибэки»), символом любви и счастья [5, с. 24, 27]; антропоморфизмы: «Ийэ айылҕа барахсан ситэн-хотон, ханнык халадаайын кэтэн ыһыахха барарын сымайдыы олорор талымас дьахтар курдук» [5, с. 24]; художественные детали: полная тяжелых камней переметная сума («таастаах бэрэмэдэй»), легкая деревянная лодочка («оночо»), шелковая крепдешиновая ткань с цветочным рисунком; нарисованный на скале красной охрой человек («кыһыл соһо кыраасканан... ойууламмыт киһи») [5, с. 19, 27, 81, 69].

Итак, художественная проза Н. В. Михалевой - Сайа представляет собой не просто самостоятельный раздел в ее собственном творчестве, но и заметное явление в современной якутской литературе. Ее рассказы и повести, наряду с произведениями Н. Габышева, А. Федорова, В. Гольдерова, В. Гаврильевой и некоторых других писателей, относятся к лирическому направлению в якутской эпической прозе.

Л и т е р а т у р а

1. Аврора. – 2016. – № 4.
2. Михалева Н. В. - Сайа. Бүгүн түүн: Хоһооннор, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 176 с.
3. Михалева Н. В. Күөх ньургунун: сэхэн. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 126 с.
4. Михалева Н. В. Аата суох сибэкки: хоһооннор, ахтылар, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 224 с.
5. Михалева Н. В. - Сайа. Уйгур: сэхэн, кэпсээн, эссе. – Дьокуускай: Айар, 2021. – 160 с.
6. Саха поэзиятын күөх ньургунуна (Н. Михалева - Сайа поэзиятыгар бэлиэтээһиннэр). – Дьокуускай: Бичик, 2014 – 137 с.

R e f e r e n c e s

1. Avrora. – 2016. – № 4.
2. Mihaleva N. V. - Saja. Bүгүн түүн: Hohoonnor, kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 176 s.
3. Mihaleva N. V. Күөх n'urguhun: sehen. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 126 s.
4. Mihaleva N. V. Aata suoh sibekki: hohoonnor, ahtyylar, kepseenner. – D'okuuskaj: Bichik, 2009. – 224 s.
5. Mihaleva N. V. - Saja. Ujgur: sehen, kepseen, esse. – D'okuuskaj: Ajar, 2021. – 160 s.
6. Sakha poeziyatyn күөх n'urguhuna (N. Mihaleva - Saja poeziyatygаr belieteehinner). – D'okuuskaj: Bichik, 2014 – 137 s.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.